от местной власти», «условия не создаются, туризм нету, сообщение нету», «нет никакого центра нашей культуры»).

Мигранты, становясь субъектами межнациональных отношений, существенным образом влияют на их характер в регионе. Подавляющее большинство опрошенных (85%) не имеют проблем в общении с представителями других национальностей в республике («Мы с местным населением живем очень дружно»), небольшой процент респондентов (2,5%) причину сложностей видят в незнании языка (русского).

В целом 2/3 респондентов считают, что в РХ межнациональные отношения благоприятны, 5% уверены в наличии скрытой напряженности («в основном межнациональные отношения благоприятные, но бывают ситуации, когда отношение к личности переходит и на национальный уровень (в быту)»), 2,5% считают их неблагоприятными. Об этом косвенно говорят мнения респондентов, которые связывают сложности получения прописки и снятия жилья с «национальностью» (см. выше).

Сами мигранты заинтересованы в улучшении взаимоотношений с местным населением: «Самое главное – хорошее социальные условия в равной мере и местному населению и мигрантам»; «знакомить с культурой другого народа» и пр.

Большинство респондентов (80%) работают в многонациональных коллективах, в которых, по их мнению, нет межнациональной вражды, однако 7,5% таковую все же ощущают. И все же 67,5% респондентов считают, что в коллективе, состоящем только из представителей их народа, работать легче, т.к. у его членов общие культурные ценности и традиции.

Наконец, важнейшим показателем стремления мигрантов к адаптации к принимающей среде является отношение к исторической родине и к вновь обретенной. Треть респондентов (32,5%) хотели бы вернуться на родину («там все родственники», «родная страна», «потому что родина есть родина, там родился и родственники там», «наверно потому что скучаем»), но все же они понимают, что там «нет работы», хотелось «только по временам повидаться с родителями», поехать в гости. Почти столько же (35%) респондентов собираются остаться в Хакасии, так как «Привыкли к тому, что есть и где живем», «Там сейчас хуже, трудно с работой», «здесь привыкли», «люди изменились» и пр.

Только 10% респондентов хотели ли бы, чтобы их дети уехали из Хакасии. Но больше половины респондентов (57,5%) все же считают Хакасию местом, где бы их детям жилось хорошо: «Потому что у меня 6 детей они уже привыкли здесь жить мы уж 7 год живем в Хакасии», «Нам Хакасия очень нравится», «благоприятная экологическая обстановка (по сравнению с другими районами)», «Люди добрые здесь», «Раньше наши предки жили здесь» (киргизы), «Потому что здесь работа и дети хорошее образование получат», «Спокойная обстановка, есть работа», «Все с пониманием относятся».

Таким образом, в начале XXI века внешняя миграция в Республике Хакасия носит новые черты:

– это трудовая индивидуально организованная миграция;
– мигранты – преимущественно граждане республик Средней Азии и Казахстана, именно они стараются максимально адаптироваться к принимающему сообществу.

Большинство мигрантов считают Хакасию регионом, благоприятным для проживания, не испытывает негативных чувств по отношению к основным национальным группам – хакасам и русским. Вместе с тем, они испытывают серьезные психологические трудности в общении с государственными органами.

Р.М. Бикметов, Т.И. Бикметова

ОБРАЗ ЛОГИКА И ЛОГИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ УМБЕРТО ЭКО

Неотъемлемой частью общей культуры личности является культура мышления. Современная логика призвана выполнить свою функцию – выступить в качестве пропедевтики мышления. Значение логики в системе в системе культуры в целом и гуманитарного знания в частности показано в особой художественной форме у итальянского философа Умберто Эко. В его произведениях логика играет большую роль в раскрытии образов героев и создании атмосферы эпохи. У Эко нет героя по имени Логик, но его образ имплицитно присутствует во всех его романах.

Главный герой всех романов Эко, как правило, блестяще владеет логикой, чем не преминет воспользоваться в своих рассуждениях и действиях, а автор всячески подчеркивает это качество. Так, в романе «Маятник Фуко» Бельбо объясняет Казобону отличительные черты дурака, как особого типа, донимающего редакторов издательств. Это те, которые рассуждают по следующей схеме: «…собака домашнее животное и лает, и приходит к заключению, что коты тоже лают потому, что коты домашние... Или что все афиняне смертны, все обитатели Пирея смертны, следовательно, все обитатели Пирея афиняне» [1]. Однако последнее заключение истинно, что Бельбо объясняет тем, что «дурак способен прийти к правильному умозаключению, но ошибочным путем». Все-таки, по мнению героев, «...лучше приходить к ошибке, но рационально... а иначе зачем было делаться с таким трудом рациональными животными?» [2]. Еще один пример рассуждения дурака, который приводят герой: «Некоторые из тех, кто не верит, что Господь сотворил мир в течение семи дней, не являются фундаменталистами, но некоторые фундаменталисты верят, что Господь сотворил мир в течение семи дней. Следовательно, ни один не верящий, будто Господь сотворил мир в течение семи дней, – фундаменталист». Этот пример герои приводят как проявление «глупости» и явный признак дурака, поскольку «...здесь нарушается основной закон силлогизмов, нельзя выводить универсальные заключения из двух частных посылок» [3].

Но логика используется героями не только в светских беседах, в которых герои составляют свои классификации окружающих, но и для более серьезных вещей, для решения практических задач, в частности, для раскрытия преступлений. В романе «Имя Розы» монах францисканец Вильгельм и его молодой ученик и помощник Адсон пытаются выяснить причины странных убийств в монастыре. Когда они натыкаются на очередной труп и ищут улики или какие-нибудь следы, оставленные преступником, Вильгельм учит молодого монаха искусству рассуждений.

В расследовании им помогает местный монах Северин, который и обращает внимание на одну деталь:

«– Двое мертвых, и у каждого черные пальцы. Что ты думаешь?»

«– Ничего не думаю. – И Вильгельм, сразу объясняет свою позицию. – Nihil seguitur geminis ex particolaribus unguam <ничто общее никогда из частных посылок не следует (лат.). – 8-е правило образования силлогизмов [4]>. Надо было бы свести оба случая к единому основанию. Например, существует состав, зачерняющий пальцы того, кто его коснется...» [5].

Помощник тут же выводит новый силлогизм из прежних посылок: «Пальцы Венанция и Беренгара черны, ergo они касались состава». Но встречает новое возражение учителя: «...силлогизм построен не правильно, так как aut semel aut iterum medium generaliter esto < в какой-либо из двух посылок средний термин должен быть общим (лат.). – 3-е правило образования силлогизмов [6]>, а в твоем силлогизме средний термин ни разу не является общим. Это указывает на ошибку в постановке основной посылки. Я не имел права утверждать, что у всех, кто касался известного вещества, черны пальцы, ибо могут быть на земле люди с черными пальцами, но не касавшиеся вещества. Я должен был сказать иначе: те и только те, у кого черны пальцы, безусловно, касались этого вещества. Венанций и Беренгар... ну и так далее. Что дает нам прекрасный образец Darii, третьего вида в первой фигуре» [7].

Но логика у Умберто Эко служит не только для характеристики своих героев, через нее он передает образ времени, менталитет эпохи, особенно эпохи средневековья.

В обыденном сознании и в нашей системе традиционного образования, до недавнего времени полностью основывавшегося на марксизме, средневековье, обычно, предстает как эпоха мракобесия, в которой была полностью задушена свободная творческая мысль, подлинная наука. Между тем, средневековье служит мостом, соединяющим античность и Новое время. И именно в этот период сформировались истоки современной европейской рациональности и классической науки. Бертран Рассел в своей работе «Истории западной философии» пишет: «Превосходством, достигнутым после Возрождения, мы обязаны отчасти науке и научной технике, отчасти тем политическим учреждениям, которые были постепенно созданы в период средневековья» [8]. Хотя философия средневековья является исключительно религиозной, по мнению Геннадия Майорова, это имеет и обратную сторону: поскольку теологизация философии вела к философизации и рационализации теологии, которая, оставаясь владычицей средневековой мысли, становилась благодаря этой рационализации более терпимой к самой философии [9].

Схоластами был унаследован образ логики аристотеликов, который воплотился в учении Боэция. Логика у Боэция подобна руке, которая одновременно есть и часть тела (философии), и его инструмент [10].

Логика – это инструмент достижения истины, но не сама истина. Выдающийся историк философии А.О. Маковельский отмечает: «Специфика логики заключается в том, что она изучает не объектиный природы и не субъективный мир переживаний, а мышление, посредством которого человек познает и то и другое» [11]. Фатер Каспер, в романе «Остров Накануне», полемизируя с молодым дворянином Роберто де ла Гриф напоминает ему, что «...вот уже немалые годы иезуиты отказались в борьбе с противниками прибегать к священнотекстовому крючкотворству, а действуют посредством непобораемых аргументов, основанных на астрономии, на разуме, на математических и физических резонах» [12]. Умберто Эко показывает роль логики через споры и диспуты, которые ведет персонажи его романов, как с ее помощью обосновываются богословские истины и даже заблуждения и суеверия. Тем самым он подтверждает оценку средневековой логики, которую ей дал А.О. Маковельский: «Схоластическая логика ставила себе задачу вооружать искусством доказывать и опровергать, но не преследовала цели научить приемам открытия новых истин» [13].

В идейной истории России традиции рациональности не имели того значения, который они приобрели в культуре Запада. Зачастую у нас духовность противопоставлялась рациональности и поэтому всячески принижалась. Русский философ П. Чаадаев в своих «Философических письмах» отмечал эту черту российского общества: «...всем нам не хватает какой-то устойчивости, какой-то последовательности в уме, какой-то логики. Силлогизм Запада нам незнаком» [14]. Причины такого неприятия «силлогизма Запада» раскрывает историк Ключевский, когда описывает идеал «учености», сложившийся в XVI веке в России. В это время образованный человек даже хвастался своим незнанием философии и презрением к ней. «Братия! – поучал он, – не высокоумствуйте; если кто тебя спросит, знаешь ли философию, ты отвечай: Эллинских борзостей не знах, ни ритарских астрономов не читах, ни с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех…Богомерзостен перед Богом всяк любяй геометрию; не учен я словом, не обучался диалектике, риторике и философии, но разум Христов в себе имею…» [15]. К сожалению, тот уровень логической культуры, который был накоплен к началу XX века в российском обществе, был почти утерян в годы советской власти. Между тем владение логикой способствует повышению интеллектуального потенциала человека, более эффективному использованию способностей, данных человеку от природы, и навыков, приобретаемых на жизненном пути. Мыслить логично – это значит мыслить точно и последовательно,

не допускать противоречий в своих рассуждениях, уметь вскрывать логические ошибки. Эти качества имеют большое значение в любой области научной и практической деятельности. Логика имеет большое значение для формирования культуры мышления, умения эффективно использовать приобретенные мыслительные навыки. Для становления и развития логической культуры нашего современного российского общества необходимо осваивать весь исторический опыт развития логики, в том числе и творчество У. Эко.

Библиографический список

1. Умберто Эко. Маятник Фуко. – СПб., 2007.
2. Там же.
3. Там же.
4. Умберто Эко. Имя Розы. – СПб., 2007.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Рассел Бертран. История западной философии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997.
9. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии (латинская патристика). – М., Мысль, 1979.
10. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии (латинская патристика). – М., Мысль, 1979.
11. Маковельский А.О. История логики. – М., 2004.
12. Умберто Эко. Остров Накануне. – СПб., 1999.
13. Маковельский А.О. История логики. – М., 2004.
14. Чаадаев П.Я. Философические письма (полное собрание сочинений и избранные письма). М.: Наука, 1991. Т. 1.
15. Ключевский В.О. Неизданные произведения. – М., 1983.

Т.И. Бикметова, Г.А. Королев

ПРИНЦИП УНИВЕРСАЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА

В связи с процессами глобализации в сферу международного права оказались включенными не только государства, но и регионы, что делает актуальными проблемы международного права в целом и проблему универсальной юрисдикции в частности.

Понятие юрисдикции является сложным для анализа, поскольку взаимосвязано с другими категориями международного права, в частности с правосубъектностью государства, концепцией территории.

В доктрине международного права существует несколько дефиниций юрисдикции. В частности, И.И. Лукашук приводит следующее определение: «юрисдикция вытекает из суверенитета государства и означает его законодательную, судебную и административную власть, её объем и сферу действия» [1]. В Лоув определяет юрисдикцию следующим образом: «юрисдикция» – термин, определяющий границы правовой компетенции государств или других властных институтов (таких как Европейский Союз) по созданию и применению правовых норм, регулирующих поведение лиц» [2].

М. Шо понимает под юрисдикцией «власть государства воздействовать на лиц, собственность и события, которая отражает основополагающие принципы суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела других государств» [3].

Таким образом, понятие юрисдикции является важной характеристикой государственного суверенитета, так как осуществление властных полномочий может создавать, изменять или прекращать правоотношения. Юрисдикция отражает принципы государственного суверенитета, равенства государств и невмешательства во внутренние дела других государств.

Однако универсальная юрисдикция – один из наиболее неоднозначных и подвергаемых сомнению видов юрисдикции. Дискуссионным остаются вопросы, связанные с определением её сущности, основаниями применения и квалификации преступных деяний, подпадающих под действие принципа универсальности.

Любое обсуждение проблемы универсальной юрисдикции осложнено множеством предлагаемых определений. В самом общем смысле это понятие определяется как вид юрисдикции над субъектами, чьи действия произошли за пределами территории государства, применяющего подобный вид юрисдикции.

В частности, профессор Ромашев определяет принцип универсальности следующим образом: «универсальная юрисдикция государства распространяется на случаи, когда те или иные признаваемые преступными деяния совершены лицами, не являющимися гражданами этого государства, вне его территории, и такие действия не направлены ни против этого государства, ни против его граждан» [4].

Из определения универсальной юрисдикции следует, что государство, осуществляющее подобный вид юрисдикции, фактически не имеет прямой юридической или фактической связи с международным противоправным деянием и его последствиями. Однако «некоторые преступления настолько серьёзны, что каждое государство имеет законный интерес в наказании преступников, которые рассматриваются в качестве *hostis humanii generis* – врагов всего человечества» [5]. Следовательно, осуществление принципа универсальности основывается на характере международных преступлений.

Анализируя различные доктрины международного права, можно утверждать, что большинство учёных выделяют пять видов преступлений, дающих право на применение принципа универсальности. К данным преступлениям относятся: пиратство, пытки, военные преступления, преступления против человечности и геноцид.